

Оплаканская Р. В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СМЕШАННОЙ КОМИССИИ В СИБИРИ ПО РЕПАТРИАЦИИ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1921 ГОДУ

После завершения советско-польской войны и заключения Рижского мирного договора начался обмен военнопленными. Для осуществления контроля за процессом репатриации в Сибирь прибыло представительство Смешанной комиссии в составе польской и российско-украинской делегаций. Все военнопленные подлежали обязательной регистрации. Установлением принадлежности к польской национальности лиц, не имевших документов, занималась комиссия в составе советских руководителей-поляков.

Резьвакуация проходила в трудных условиях послевоенного времени: недостатка материальных ресурсов, плохой работы железнодорожного транспорта и эпидемии тифа. Серьезным препятствием для реэвакуации военнопленных была политика советской власти, не заинтересованной в массовом отъезде поляков на родину. Советские руководители отказывали в увольнении со службы специалистам, а также задействованным на принудительных работах репатриантам. Нарушения положений Соглашения о репатриации со стороны советской власти объяснялись идеологическим подходом. По мнению членов советского правительства, в Польшу должны были вернуться потенциальные агенты советской власти, в то время как классовые враги – остаться в России.

Ключевые слова: *Рижский мирный договор, репатриация, польские военнопленные.*

После завершения советско-польской войны было заключено Соглашение о репатриации. По условиям соглашения для обмена пленными гражданами создавались Смешанные комиссии в Москве и Варшаве, состоявшие из двух делегаций – российско-украинской и польской. Для организации реэвакуации польских граждан на родину в Сибирь делегировалось представительство Смешанной комиссии.

Рассматривается деятельность польской делегации в составе Смешанной комиссии по организации реэвакуации на родину польских военнопленных в 1921 г. Исследование проведено на основе архивных материалов из фондов Государственного архива Новосибирской области и Архива г. Минусинска.

Статья XII соглашения предусматривала широкий круг вопросов, связанных с организацией мероприятий по репатриации и контролем за их проведением. В ведении представительства Смешанной комиссии в Сибири находились следующие вопросы: выяснение числа, происхождения и местонахождения лиц, подлежащих репатриации; оказание им всех видов материальной помощи; посещение лагерей, тюрем и госпиталей, в которых содержались военнопленные; рассмотрение условий содержания и размеров причитающейся им заработной платы за произведенные во время пленения работы; рассмотрение жалоб в случаях нарушения прав репатриантов и пр. (Соглашение о репатриации... 1921). Представительство Смешанной комиссии в составе двух делегаций прибыло в Сибирь в сентябре 1921 г. Главы делегаций получали статус уполномоченных. Польскую делегацию возглавил Казимир Гинтовт (Островский, 2014: 71).

Репатриация польских граждан началась в апреле 1921 г. Объявления о порядке проведения репатриации публиковались в газетах «Известия ВЦИК», «Правда», «Красноярский рабочий». В сентябре Смешанная комиссия обратилась в Красноярский губисполком с просьбой выписать для нее эти газеты (Материалы на польских военнопленных... 1921: 241).

Репатриация и реэвакуация в Сибири проходили трудно. Взаимодействие советской России и Польши осложнялось непростой международной ситуацией. В России отношение к проблеме обмена военнопленными носило классовый характер. По мнению членов советского правительства, в Польшу должны были вернуться лояльные советской власти военнопленные, в то время как явные и потенциальные классовые враги должны были остаться в России. В свою

очередь, польская сторона старалась выявить при обмене военнопленных агентов коммунистической идеологии. Резэвакуация поляков на родину усугублялась и трудными условиями послевоенного времени – недостатком материальных ресурсов (летом 1921 г. в России начался голод), плохой работой железнодорожного транспорта и эпидемией тифа (Костюшко, 2000: 49–50, 60–61). Организация резэвакуации осложнялась размещением военнопленных на обширной территории Сибири и худшими по сравнению с Европейской Россией коммуникациями. 25 октября 1921 г. уполномоченный К. Гинтовт информировал российско-украинскую делегацию о том, что в районах, прилегающих к Красноярску, проживают лица, имеющие право на репатриацию, но не располагающие необходимой информацией из-за плохой работы почтовой службы («не доходят письма») и дезинформации («недоброжелательные люди неверно информируют польское население о настоящем положении вещей, дезориентируют его и таким образом создают очевидные помехи в понимании ситуации») (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 55).

Если чисто технические помехи объяснялись трудностями вследствие послевоенной разрухи, то «неверное информирование польского населения» было частью общего курса советской власти в отношении польских репатриантов. Помимо стремления не допустить выезда в Польшу идеологических противников, которые могли вредить делу мировой революции, в действиях органов советской власти усматривалась заинтересованность в военнопленных как трудовом ресурсе. Уполномоченный польской делегации и его заместитель неоднократно обращались в российско-польскую делегацию с нареканиями относительно работы уездных эвакуов и отделов принудительных работ, а также руководителей советских учреждений и предприятий, нарушавших положения соглашения. В октябре 1921 г. К. Гинтовт в категорической форме высказался по поводу сложившейся ситуации. В отношении на имя особоуполномоченного при Новониколаевском губернском исполкоме Чистякова перечислялись следующие нарушения: 1) отказ от проведения амнистии в отношении польских граждан, арестованных ЧК; 2) отказ увольнять с принудительных работ репатриантов; 3) волокита с отправкой эшелонов к российско-польской границе. Уполномоченный отмечал невозможность проведения «личных переговоров» и «полное отсутствие связи с Польдеlegationей в Москве», требовал в срочном порядке разрешить сложившуюся ситуацию, а в случае отказа грозил «отказаться от организации постоянной базы в Сибири» (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 20).

Трудности с организацией репатриации в Сибири испытывала не только польская, но и российско-украинская делегация в составе Смешанной комиссии. В ноябре 1921 г. уполномоченный делегации Польши К. Гинтовт «с удовлетворением» констатировал «...совпадение взглядов обеих делегаций на курс работы по репатриации, а именно: неизменно тяжелые условия проведения репатриации в Сибири, неожиданно маленький результат работы и очень туманные перспективы на будущее» (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 46).

Согласование позиций обеих делегаций по поводу сложившейся ситуации происходило не только в форме официальной переписки. 11 ноября 1921 г. уполномоченный Гинтовт, находившийся в тот момент в Красноярске, обратился к заместителю уполномоченного российско-украинской делегации с просьбой о разговоре по телефону без посредников (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 16).

Содействие российско-украинской делегации помогало снизить напряженность, возникавшую в процессе репатриации военнопленных. В течение сентября – ноября 1921 г. уполномоченный А. Замылко обращался в губернские исполнительные комитеты по вопросам о регистрации и отправке эшелонов с военнопленными к границе; в отделы принудительных работ и повинностей по поводу освобождения от работ репатриантов; в отделения ЧК на железнодорожном транспорте по поводу арестов военнопленных (Материалы на польских военнопленных... 1921: 200, 206, 216, 242, 253, 254, 264). 14 октября 1921 г. А. Замылко направил отношение

в Красноярскую губчека, в котором приводил многочисленные факты нарушения положений Соглашения о репатриации и норм международного права. В документе говорилось: «На основании приведенных фактов Российско-Украинская Делегация в составе Смешанной комиссии по делам репатриации военнопленных... просит вас издать соответствующее распоряжение с целью устранения в будущем подобного обращения с польскими гражданами» (Материалы на польских военнопленных... 1921: 264). Таким образом, совместные усилия обеих делегаций в составе Смешанной комиссии способствовали проведению реэвакуации польских военнопленных и членов их семей на родину, но не могли снять все проблемы. Наибольшую нагрузку по организации репатриации выполняла польская делегация.

Регистрация польских военнопленных и получение гражданства. Организацией и проведением этих мероприятий занимались органы советской власти всех уровней. Еще до заключения Рижского мирного договора осуществлялась работа по установлению местонахождения военнопленных и составлялись именные списки (Список военнопленных поляков гражданской войны... 1921: 1–15). Не все военнопленные могли подтвердить свое польское происхождение по причине отсутствия необходимых документов (Переписка с вышестоящими и нижестоящими организациями... 1921: 21). Члены польской делегации выезжали в местности, где проживали группы польских граждан и оптантов. В конце сентября 1921 г. польская делегация намеревалась выехать в Томск для встречи с уроженцами территорий Австро-Венгрии и Германии, отошедших после войны к Польше (Материалы на польских военнопленных... 1921: 88). Польская делегация приняла участие в судьбе двух пленных, уроженцев Сербии и Хорватии – Элиава Томича и Ежи Труха. Названные лица являлись военнопленными Первой мировой войны, но в 1920 г. были приговорены к двум годам принудительных работ за службу в 5-й польской дивизии. В отношении в адрес российско-украинской делегации говорилось, что в действительности ни один из них на службе в дивизии не состоял. Польская делегация просила освободить их из заключения, поскольку оба несли незаслуженное наказание, и отправить на родину в одном из польских эшелонов (Материалы на польских военнопленных... 1921: 164).

В период регистрации военнопленных члены делегации столкнулись с рядом проблем, которые становились препятствием для возвращения поляков на родину. Возникали сложности с подачей ходатайств на получение гражданства Польши военнопленных, которые находились в рядах Красной армии, а равно и специалистов, которые были задействованы в работе транспортных и промышленных предприятий региона. Случаи воспрепятствования репатриации встречались по всей России. Прежде всего тормозилась реэвакуация лиц моложе 40 лет. Центрзвак давал следующие разъяснения: в последнюю очередь на родину возвращаются лица, занятые на ответственной советской работе и на советских предприятиях, увольнение которых в настоящее время нежелательно, а также не обремененные семьей. В телеграмме из центра в адрес профсоюзных организаций, а также транспортных отделов на железных дорогах от 31 октября 1921 г. в Сибири сообщалось, что увольнять служащих, подлежащих репатриации, можно только «...если это не принесет ущерба делу» (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 75). Установки, спускаемые сверху, были направлены на то, чтобы не допустить выезда специалистов и квалифицированных рабочих, пока не будет найдена эквивалентная замена (Белова, 2012; Галас, 2011: 105–106). 12 октября 1921 г. польская делегация отмечала, что сложилась практика нарушения местными органами советской власти пунктов Соглашения о репатриации. В частности, из списков эшелонов, отправляемых к границе, сотрудниками эваков вычеркивались имена некоторых репатриантов. «Повторение этих же самых случаев заставляет думать, – писал уполномоченный польской делегации, – что существуют некие спускаемые сверху установки и только ими руководствуются эваки» (Материалы на польских военнопленных... 1921: 158). В период с октября по ноябрь 1921 г. были зафиксированы случаи отказа в увольнении со службы в Новониколаевске, Красноярске и других городах. Не имевших доку-

ментов об увольнении военнопленных снимали с эшелонов (Материалы на польских военнопленных... 1921: 127, 253, 521).

Одной из самых тяжелых задач Смешанной комиссии была защита военнопленных от репрессий со стороны ЧК. По условиям соглашения (ст. XXXIV) в отношении военнопленных должны были прекратиться судебные, административные и иные преследования, а также приостановиться приведение в исполнение наказаний за деяния, совершенные до начала репатриации. Однако военнопленных задерживали и арестовывали по разным поводам. Многие военнопленные в период регистрации подвергались вторичному аресту. 14 октября 1921 г. уполномоченный по делам военнопленных А. Замылко в отношении в адрес Красноярской губчека констатировал факт «невыполнения статей мирного договора и Соглашения о репатриации» и просил освободить всех военнопленных, арестованных после подписания Соглашения о репатриации (Материалы на польских военнопленных... 1921: 264). В начале ноября 1921 г. уполномоченный польской делегации направил в российско-украинскую делегацию список военнопленных (всего 31 человек), которые находились в красноярской тюрьме. Уполномоченный К. Гинтовт настаивал на их освобождении из заключения, размещении вместе с семьями в 6-м эшелоне для отправки к границе и выдачи польским властям вместе с материалами дел (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 156, 157).

Во время организации реэвакуации польская делегация предпринимала действия по сохранению единства семей. В Сибири вместе с военнопленными проживали родственники, спасавшиеся от боевых действий Первой мировой войны. В соответствии с данными именного списка польских пленных 5-й дивизии Минусинского уезда каждый пятый имел семью (Оплаканская, 2013). Некоторые семьи были многочисленными. Вместе с военнопленным М. Любчинским в Минусинске жили четыре сестры. Семья военнопленной М. Л. Мальм состояла из мужа, двух сыновей и дочери; семья Б. Старкевича насчитывала шесть человек. У военнопленного И. Ходакова были жена, четыре сына и дочь (Список военнопленных поляков гражданской войны... 1921: 1–15). Многие военнопленные вступили в брак уже в Сибири. Военнослужащий 5-й польской стрелковой дивизии С. Богданович вспоминал, что в 1919 г. в Новониколаевске почти каждый день праздновали свадьбы. «Женились главным образом наши офицеры», – писал он. «Хлопцы были молодыми и темпераментными, так что женщины за ними бегали» (Bogdanowicz, 2005: 23, 33).

В период проведения репатриации у членов семей военнопленных возникали проблемы с регистрацией и зачислением их в списки эшелонов. 13 октября 1921 г. уполномоченный польской делегации обращался в российско-украинскую делегацию с требованием «безотлагательно направить распоряжение соответствующим властям о регистрации членов семьи польских военнопленных» (Материалы на польских военнопленных... 1921: 145). Часто члены семьи должны были добиваться подтверждения права на выезд в индивидуальном порядке. В сентябре 1921 г. польская делегация просила дать удостоверение для регистрации матери и двум дочерям военнопленного М. Росновского (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 32). Тогда же польская делегация хлопотала по судебному делу военнопленного М. Коцинского о признании его права на 6-летнюю дочь Марину, проживавшую после расторжения брака с бывшей женой. Рассмотрение дела было назначено на 29 ноября 1921 г., в то время как Коцинский должен был отправиться 6-м эшелонам к границе. Польская делегация ходатайствовала о том, чтобы рассмотрение дела в народном суде прошло до отправки эшелона из Красноярска (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 118–119).

Осложнялся отъезд членов семьи, задействованных на службе в советских учреждениях. В октябре 1921 г. было отказано в увольнении из амбулатории в д. Пировское Енисейской губернии жене военнопленного Г. Марыняк, которая должна была выехать в Красноярск для реэвакуации на родину вместе мужем Станиславом – военнопленным Первой мировой войны

и бывшим австрийским подданным. Однако в Пировский волисполком поступила телеграмма из Красноярска от заведующего здравотделом Лузика: «...Никаких отправок иностранцев без Уисполкома не производить Марыняк задержать». Действия уездного исполкома вызвали протест польской делегации (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 56–57). В ноябре 1921 г. польская делегация просила ускорить увольнение из стоматологической амбулатории Ф. Совинской, сестры военнопленного А. Сарнецкого, с целью обеспечить ей безопасный выезд на родину в период зимних морозов (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 104).

В период реэвакуации польские пленные и члены их семей подвергались арестам местных отделов ЧК. Польская делегация пыталась вызволить из под ареста жену военнопленного Веронику Бонашевич, которая была арестована Красноярской губчека и осуждена на 2 года тюремного заключения. В октябре 1921 г. польская делегация хлопотала о том, чтобы ее как жену военнопленного выслали к границе с материалами, касающимися ее дела, в одном эшелоне с мужем (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 134).

В жизни польских семей случались драматические ситуации. Военнопленный И. Мацкевич вместе с сестрой готовился к отправке на родину, когда получил из Оренбурга, где проживали его родители, телеграмму следующего содержания: «Отец умер положение матери ужасное поезжай немедленно в Оренбург». Польская делегация начала хлопотать о том, чтобы И. Мацкевичу было позволено сделать пересадку в Самаре, откуда выехать в Оренбург, забрать 53-летнюю мать Аделию и 8-летнюю сестру Леокадию и вместе с ними догнать отъезжающий к российско-польской границе эшелон (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 107).

Отправка эшелонов к границе. Большое напряжение вызывала организация отправки эшелонов к российско-польской границе. Своевременной отправке мешала тяжелая обстановка на железнодорожном транспорте (недостаток составов и пропускной способности колеи). Сроки отправки эшелонов на запад нарушались практически на всех железнодорожных станциях. В ноябре члены польской делегации обратились к российско-украинской делегации с вопросом о времени отправки эшелонов из Омска, Петропавловска, Барабинска, Новониколаевска и Семипалатинска (Материалы на польских военнопленных... 1921: 128, 507, 521). В конце ноября в Новониколаевске состоялось заседание начальников железных дорог, на которое были приглашены уполномоченные обеих делегаций Смешанной комиссии. На повестку выносился вопрос об организации безостановочного продвижения 5-го и 6-го эшелонов, а также об отправке в начале декабря эшелонов из Иркутска, Канска, Красноярска, Томска и Тайги, запланированной еще в октябре (Материалы на польских военнопленных... 1921: 521).

Накануне отъезда военнопленные увольнялись с работы и получали расчет. Во время эвакуации в отношении военнопленных и членов их семей совершались противоправные действия со стороны силовых структур. В октябре – ноябре в Красноярске были зафиксированы случаи изъятия продуктов и имущества у военнопленных. 12 октября российско-украинская комиссия обратилась в Красноярскую ЧК с просьбой расследовать обстоятельства конфискации у военнопленных 1-го и 2-го трудбатальонов личных вещей – шинелей, одеял и белья, вернуть вещи и наказать виновных лиц (Материалы на польских военнопленных... 1921: 242). 22 октября уполномоченный польской делегации информировал российско-украинскую делегацию о факте изъятия у военнопленных нескольких пудов муки (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 11). В ноябре в Красноярске произошла кража вещей из 312-го санитарного поезда. Было установлено, что комендатура вокзала не обеспечила надлежащую охрану имущества репатриантов. Делегация настаивала на том, чтобы потери были компенсированы советской стороной (Переписка польской делегации... 1921: л. 720а, л. 29).

В ожидании отправления эшелонов военнопленные начинали распродавать оставшееся у них имущество с целью получения средств существования. Для некоторых это заканчивалось арестом и обвинением в незаконной торговле. В ноябре на местном базаре в Красноярске агентами

губчека были арестованы за продажу личных вещей военнопленные А. Вишневецкий и Ю. Саржинский. Польская делегация выразила «категорический протест против такого рода нарушения элементарных прав личной свободы» и потребовала незамедлительного освобождения указанных лиц (Переписка польской делегации... 1921: л. 720, л. 148).

Некоторые семьи репатриантов оказывались в очень тяжелом финансовом положении из-за отсрочки отправления. В сентябре польская делегация пыталась установить причины, по которым из первого транспортного списка польских военнопленных (Красноярск) были вычеркнуты 62 фамилии. Делегация отмечала, что отказ в эвакуации обрекает группу военнопленных «на потери и нужду в будущем» (Материалы на польских военнопленных... 1921: 448). Так произошло с семьей пленного 5-й дивизии В. Гурницкого. По неизвестным причинам имена В. Гурницкого и его родных (жена и двое детей) были вычеркнуты из списка эшелона. Семья оказалась в тяжелом материальном положении. Польская делегация ходатайствовала о том, чтобы В. Гурницкого, «утратившего 100% трудоспособности, обремененного семьей», поместили в ближайший эшелон, отправляющийся из Красноярска к советско-польской границе (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 199).

Не менее сложными были условия по пути следования поездов к границе. В октябре стало известно о задержке по причине поломки эшелона на ст. Татарская (Томская губерния). Репатрианты направили в Сибэвак и польскую делегацию ходатайство об оказании помощи и сообщали о тяжелых условиях. «В вагонах холод, сырость, болото, окон и печей нет, дров также, провизию не выдают, а та, которую люди с собой взяли, скоро закончится, потому что из-за сырости хлеб и сухари заплесневели и протухли... Вследствие таких условий в эшелоне начались болезни: два случая брюшного и сыпного тифа, не считая простуд и желудочных расстройств...» (Переписка польской делегации... 1921: д. 720, л. 17–17 об.) Настоящая трагедия произошла по пути следования первого планового эшелона на ст. Вятка. В результате крушения поезда погибло два человека и пострадали еще 35. Уполномоченные обеих делегаций Смешанной комиссии затребовали информацию о причинах крушения поезда и поименный список пострадавших (Переписка польской делегации... 1921: д. 720а, л. 60). Задержки эшелонов происходили на всем пути следования к границе.

Репатриация польских военнопленных завершилась в 1922 г. По данным В. Резмера, на родину вернулось 5 800 пленных 5-й польской дивизии, более 4 тыс. остались в Сибири (Резмер, 2001: 128). Переписка двух делегаций Смешанной комиссии демонстрирует сложную обстановку, в которой проходила реэвакуация, и позволяет установить причины, препятствовавшие репатриации. К ним следует отнести и активную деятельность структур ЧК, и стремление органов советской власти восполнить в лице пленных и членов их семей потери в годы войны трудовых ресурсов, и сложную обстановку послевоенного времени (голод и разруху).

Список литературы и источников

Белова И. Б. Судьба беженцев Первой мировой войны из западных губерний Европейской России и Польши в советской России в 1920 г. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sudba-bezhentsev-pervoy-mirovoy-voyny-iz-zapadnyh-guberniy-evropeyskoy-rossii-i-polshi-v-sovetskoy-rossii-v-1920-godu> (дата обращения: 27.03.2015).

Галас М. Н. Государственно-институциональная и социальная адаптация репатриантов и реэвакуируемых беженцев в России в 1920-е гг. // Власть. 2011. № 4. С. 105–108. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-institutsionalnaya-i-sotsialnaya-adaptatsiya-repatriantov-i-reevakuiруемых-bezhentsev-v-rossii-v-1920-e-gg> (дата обращения: 27.03.2015).

Костюшко И. И. К вопросу о польских пленных 1920 г. // Славяноведение. 2000. № 3. С. 42–62.

Материалы на польских военнопленных (1921 г.), Новосибирск // ГАНУ. Ф. Р-1, оп. 1, д. 492, 528 л.

Оплаканская Р. В. Пленные 5-й польской стрелковой дивизии в Минусинском уезде в начале 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 18–21.

Островский Л. К. Репатриация оптантов, беженцев и военнопленных из Сибири в Польшу (1921–1924 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 70–74.

Переписка польской делегации российско-украинско-польской Смешанной комиссии по делам репатриации с Красноярской губчека о польских военнопленных (1921 г.), Новосибирск // ГАО. Ф. Р-1. оп. 1, д. 720, 210 л.; д. 720а, 198 л.

Переписка с вышестоящими и нижестоящими организациями по вопросу регистрации военнопленных поляков (1921 г.), Минусинск // МКУ «Архив города Минусинска». Ф. Р-25, оп. 1, д. 345, 56 л.

Регистрационные карточки и списки военнопленных поляков (1919–1921 гг.), Минусинск // МКУ «Архив города Минусинска». Ф. Р-25, оп. 1, д. 9, 137 л.

Резмер В. Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920–1922 гг. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы / под ред. Б. Шостаковича. Иркутск, 2001. С. 127–129.

Соглашение о репатриации, заключенное между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой во исполнение статьи VII Договора о предварительных условиях мира (от 12 октября 1920 г.) (подписано в г. Риге 24.02.1921). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;frame=313;n=9993;req> (дата обращения: 19.08.2014).

Список военнопленных поляков гражданской войны (1921 г.), Минусинск // МКУ «Архив города Минусинска». Ф. Р-25, оп. 1, д. 545, 15 л.

Bogdanowicz S. Ochotnik // Karta. Kwartalnik historyczny. 2005. № 44. S. 16–66.

Оплаканская Р. В., кандидат исторических наук, доцент.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 90, Абакан, Республика Хакасия, 655000.

E-mail: goplakanska@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2015.

Oplakanskaya R. V.

ACTIVITY OF REPRESENTATION OF THE MIXED COMMISSION IN SIBERIA TO THE REPATRIATION OF THE POLISH PRISONERS OF WAR IN 1921

After completion of the Soviet-Polish war and the conclusion of the Riga peace treaty the exchange of prisoners of war began. For the control of the process of repatriation to Siberia there arrived the representation of the Mixed commission as a part of the Polish and Russian-Ukrainian delegations. All prisoners had to be subject to mandatory registration. A special commission of the Soviet leaders of Polish origin had set belonging to Polish nationality of persons who had no documents. Re-evacuation took place in difficult conditions of post-war time: lack of material resources, bad work of railway transport and epidemic of typhus.

Politics of Soviet power which wasn't interested in mass departure of Poles to motherland became a serious obstacle for re-evacuation of prisoners of war.

Soviet officials refused to dismiss service professionals, as well as returnees who were involved in the forced labor. Violations of provisions of the Agreement on repatriation from the Soviet power were explained by ideological approach.

According to the opinion of members of the Soviet government potential agents of the Soviet power had to return to Poland and class enemies had to remain in Russia.

Key words: *The Riga peace treaty, repatriation, Polish prisoners of war.*

References

Belova I. B. Sud'ba bezhentshev Pervoy mirovoy voyny iz zapadnykh guberniy evropeyskoy Rossii i Pol'shi v Sovetskoj Rossii v 1920 g. [The fates of IWW refugees from Western gubernias of Russia and Poland in Soviet Russia in 1920]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – The Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2012, no. 6. URL: [— 126 —](http://cyber-</p></div><div data-bbox=)

leninka.ru/article/n/sudba-bezhentsev-pervoy-mirovoy-voyny-iz-zapadnyh-guberniy-evropeyskoy-rossii-i-polshi-v-sovetskoy-rossii-v-1920-godu (accessed 27 March 2015) (in Russian).

Galas M. N. Gosudarstvenno-institutsionalnaya i sotsialnaya adaptatsiya repatriantov i reevakuiyuemykh bezhentsev v Rossii v 1920-e gg. [State-institutional and social adaptation of repatriants and re-evacuated refugees in Russia in 1920s]. *Vlast' – Power*, 2011, no. 4, pp. 105–108. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-institutsionalnaya-i-sotsialnaya-adaptatsiya-repat-riantov-i-reevakuiyuemykh-bezhentsev-v-rossii-v-1920-e-gg> (accessed 27 March 2015) (in Russian).

Kostyushko I. I. K voprosu o pol'skikh plennykh 1920 g. [About Polish prisoners of war]. *Slavyanovedeniye – Slavic studies*, 2000, no. 3, pp. 42–62 (in Russian).

Materialy na pol'skikh voennoplennykh (1921 g.), Novosibirsk [Documents about Polish prisoners of war]. *GANO. Fond R-1. Op. 1. D. 492. 528 l.* (in Russian).

Oplakanskaya R. V. Plennye 5-y pol'skoy strelkovoy divizii v minusinskom uezde v nachale 1920-kh gg. [Prisoners of war of Vth division in Minusinsk county in the beginning of 1920s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Human studies in Siberia*, 2013, no. 3, pp. 18–21 (in Russian).

Ostrovskiy L. K. Repatriatsiya optantov, bezhentsev i voennoplennykh iz Sibiri v Pol'shu (1921–1924 gg.) [Repatriation of persons that were choosing citizenship, refugees and prisoners of war from Siberia to Poland (1921–1924)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Human studies in Siberia*, 2014, no. 3, pp. 70–74 (in Russian).

Perepiska polskoy delegatsii rossiysko-ukrainsko-polskoy Smeshannoy komissii po delam repatriatsii s Krasnoyarskoy gubcheka o pol'skikh voennoplennykh (1921 g.), Novosibirsk [Correspondence of Polish delegation of Mixed Russian-Ukrainian-Polish Commission for Repatriation with Krasnoyarsk Gubernial CheKa about Polish prisoners of war (1921), Novosibirsk]. *GANO. Fond R-1. Op. 1. D. 720. 210 l.; Op. 1. D. 720a. 198 l.* (in Russian).

Perepiska s vyshestoyashchimi i nizhestoyashchimi organizatsiyami po voprosu registratsii voennoplennykh polyakov (1921 g.), Minusinsk [Correspondence with principal and captive organizations about registration of Polish prisoners of war]. *MKU "Minusinsk Archive". F. R-25. Op. 1. D. 345. 56 l.* (in Russian).

Registratsionnye kartochki i spiski voennoplennykh polyakov (1919–1921 gg.), Minusinsk [Registration cards and lists of Polish prisoners of war]. *MKU "Minusinsk Archive". Fond R-25. Op. 1. D. 9. 137 l.* (in Russian).

Rezmer V. Polskiye voennoplennye v bol'shevistskom plenu v Sibiri v 1920–1922 gg. [Polish prisoners of war in a Bolshevik's captivity in Siberia in 1920–1922]. *Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktualnye voprosy* [Siberian-Polish history and contemporary times: actual issues]. Ed. by B. Shostakovich. Irkutsk, 2001. Pp. 127–129 (in Russian).

Soglasheniye o repatriatsii, zaklyuchennoye mezhdru Rossiei i Ukrainoy s odnoy storony i Pol'shey s drugoy vo ispolneniye stat'i VII Dogovora o preliminarnykh usloviyakh mira (ot 12 oktyabrya 1920 g.) (podpisano v g. Rige 24.02.1921) [An agreement about Russia, Ukraine and Poland according to an article VII of the agreement of preliminary conditions of a peace treaty (October 12th, 1920) (Signed in Riga, 24.02.1921)]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;frame=313;n=9993;req> (accessed 19 August 2014) (in Russian).

Spisok voennoplennykh polyakov grazhdanskoy voyny (1921 g.), Minusinsk [List of Polish prisoners of civil war (1921), Minusinsk]. *MKU "Minusinsk Archive". Fond R-25. Op. 1. D. 545. 15 l.* (in Russian).

Bogdanowicz S. Ochotnik. *Karta. Kwartalnik historyczny*, 2005, no. 44, s. 16–66 (in Polish).

Oplakanskaya R. V.

Khakass State University named after N. F. Katanov.

Ul. Lenina, 90, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655000.

E-mail: roplakanska@mail.ru